

С того самого дня в кладовой, когда Линь Юньсю невольно подслушала разговор Цзян Шуин с распорядителем Цянем, струна в её душе натянулась ещё сильнее. Павильон Цюнсяо был далеко не так прост, как казалось на первый взгляд, и за словами о потоках воды и долгах наверняка скрывались тайны, о которых в секте старались не упоминать. А оброненная Цзян Шуин фраза о том, что лишняя забота ни к чему, вонзилась в сердце Линь Юньсю тонкой иглой, постоянно напоминая о её шатком положении.

Она стала ещё осторожнее в словах и поступках. Помимо необходимых тренировок и выполнения поручений секты, Линь Юньсю почти ни с кем не общалась, целиком сосредоточившись на роли Бай Лу. Она без устали повторяла Формулу Меча Текущих Вод по пятьсот раз в день. Движения становились всё более естественными и отточенными, нарочитая неуклюжесть, которую она старательно изображала, почти сошла на нет — осталась лишь легкая, подобающая новичку неопытность. Она должна была сделать так, чтобы этот прогресс выглядел логичным итогом упорного труда, а не проявлением врожденного таланта.

В тот день после полудня она упражнялась в знакомой бамбуковой роще. После долгих тренировок Линь Юньсю научилась лучше контролировать силу: свист меча, рассекающего воздух, стал мягче, а движения — плавными и свободными. Пусть это было лишь ничтожной долей её истинного мастерства, для недавней ученицы внешнего круга техника была безупречной.

Бамбуковые листья шелестели, солнце ласково грело землю. Она была полностью погружена в процесс, следуя за движениями клинка, наслаждаясь этой сдержанной, почти инстинктивной практикой. Лишь закончив связку и замерши в финальной позе, она заметила, что на краю рощи кто-то стоит.

Всё то же белоснежное одеяние, глаза скрыты белой повязкой.

Цзян Шуин стояла неподвижно, словно находилась здесь уже давно. Солнечный свет, пробиваясь сквозь листву, ложился на неё пятнами дрожащих теней, придавая её холодной фигуре некую нереальную, туманную эфемерность.

Сердце Линь Юньсю сжалось. Она поспешно убрала меч и поклонилась:

— Старшая сестра.

Цзян Шуин слегка кивнула в ответ. Она медленно подошла ближе и, не проронив ни слова о технике меча, внезапно спросила:

— Зачем ты пришла в Павильон Цюнсяо?

Вопрос был неожиданным и бил прямо в цель. Линь Юньсю, подготовившаяся заранее, опустила взгляд и ответила тоном, в котором смешались восторг и легкая неуверенность — именно так, как она репетировала бесчисленное количество раз:

— Ученица... ученица стремится к Дао. Я лишь хочу ступить на путь бессмертия и постичь

искусство долголетия, чтобы больше не страдать от невзгод бренного мира.

Это был самый распространенный ответ среди бродячих практиков и простых людей, и придаться к нему было невозможно.

Цзян Шуин молчала. Взгляд, скрытый за белой тканью, был устремлен на Линь Юньсю с пронзительной пристальностью. Девушка чувствовала эту ледяную, сосредоточенную силу, словно та взвешивала каждое её слово, пытаясь разглядеть истинный цвет души под маской.

В роще слышалось лишь шуршание ветра в листве.

Прошло много времени — так много, что Линь Юньсю уже начала опасаться, не показался ли её ответ неудовлетворительным или не выдала ли она себя. Наконец Цзян Шуин медленно заговорила, её голос оставался ровным и спокойным:

— Искусство долголетия — лишь призрачная дымка. Путь самосовершенствования — это борьба против небес, и страдания на нём в сотни раз превосходят земные. Знаешь ли ты, что такое совершенствование?

Линь Юньсю замерла. В книгах горы Сюаньцзин было много трактовок на этот счет, да и отец наставлял её. Но сейчас она могла отвечать лишь с позиции Бай Лу:

— По моему скромному разумению, совершенствование — это впитывание энергии неба и земли для закалки тела, дабы достичь освобождения.

— Освобождения? — уголки губ Цзян Шуин едва заметно дрогнули, этот изгиб исчез так быстро, что его можно было принять за игру воображения. — От чего? От жизни и смерти? От колеса перерождений? Или... от судьбы?

Её голос был тихим, но он отозвался в душе Линь Юньсю кругами на воде. Судьба... Является ли исчезновение отца тоже своего рода судьбой? А её проникновение в Павильон Цюньсю и встреча с Цзян Шуин — не часть ли это предопределенного пути?

— Ученица... не знает, — Линь Юньсю выбрала самый безопасный ответ.

Цзян Шуин сделала несколько шагов и остановилась прямо перед ней. Она протянула тонкие белые пальцы, которые, казалось, случайно коснулись щеки и пряди волос Линь Юньсю, а затем мягко провели по стеблю бамбука. В этом движении сквозила невыразимая нежность и... жалость?

— Совершенствующийся ищет истину, — негромко произнесла она, словно обращаясь к себе: — Отбросить ложное, узреть свою подлинную суть. Увидеть законы, по которым крутится этот мир, увидеть истинный облик самого себя, увидеть... нити судьбы, опутывающие всё сущее.

Нити судьбы! Сердце Линь Юньсю дрогнуло. Она невольно посмотрела на белую повязку на глазах собеседницы. Неужели...

— Однако видеть — не всегда благо, — в голосе Цзян Шуин зазвучали едва уловимые нотки призрачности. — Порой неведение и жизнь в тумане — это дар.

Она отняла руку и повернулась к Линь Юньсю:

— Твой меч стал намного плавнее, чем раньше.

Разговор вернулся к технике, и Линь Юньсю слегка выдохнула:

— Это благодаря наставлениям старшей сестры.

— Это результат твоего усердия, — отрезала Цзян Шуин. — Путь меча подобен человеческому пути: форма — это тело, а помыслы — душа. Форма у тебя уже есть, но душа ещё не обрела покой.

Она помолчала и внезапно спросила:

— Если однажды ты обнаружишь, что путь, к которому стремишься, противоречит чувствам, что ты хранишь в сердце, как ты поступишь?

Этот вопрос был ещё острее предыдущего и бил в самую болезненную точку любого практикующего. Линь Юньсю невольно подумала о своей одержимости поисками отца. Именно это чувство заставило её, не раздумывая, проникнуть в Павильон Цюньсяо, что, безусловно, противоречило её статусу наследницы горы Сюаньцзин и спокойному пути самосовершенствования.

Она помолчала, подбирая слова:

— Ученица... не знает. Возможно, попытаюсь найти способ сохранить и то, и другое?

— Сохранить и то, и другое? — Цзян Шуин повторила эти слова, и из-под белой повязки донесся едва слышный вздох, легкий, как мираж. — Как же обрести путь, где нет потерь...

Она больше ничего не сказала, лишь молча смотрела на Линь Юньсю. В тот миг девушке показалось, что Цзян Шуин спрашивала не об общих истинах, а обращалась к кому-то конкретному или... к самой себе.

— Продолжай тренироваться, — Цзян Шуин завершила этот короткий разговор и собралась уходить.

— Старшая сестра! — Линь Юньсю, сама не зная откуда, нашла в себе смелость окликнуть её.

Цзян Шуин остановилась и обернулась.

Сердце Линь Юньсю колотилось, как барабан. Она понимала, что рискует, но это был редкий шанс. Сделав глубокий вдох, она спросила как бы невзначай:

— Ученица... я недавно в секте и очень любопытствую о её прошлом. Я слышала, что ваше имя, Безлезвийная, Укрощающая Смуту, внушает трепет повсюду. Не знаете ли вы... что представлял собой наш Павильон до своего основания? Есть ли у него... связь с другими сектами?

Она задала вопрос с величайшей осторожностью, не сводя глаз с лица Цзян Шуин, пытаясь уловить хоть малейшее изменение в выражении.

Цзян Шуин на мгновение замерла. Казалось, даже ветер вокруг стих, бамбук перестал шуметь, и в воздухе разлилось невидимое давление.

Линь Юньсю затаила дыхание.

Однако Цзян Шуин не разгневалась и не ответила. Она лишь молча смотрела на Линь Юньсю — взгляд сквозь ткань был холодным и глубоким, будто она давно видела насквозь все её попытки вывести тайну.

Спустя долгое время она медленно произнесла — голос её звучал холоднее обычного, не терпя возражений:

— Павильон Цюнься — это просто Павильон Цюнься.

Сказав это, она не задержалась ни на миг. Белая фигура быстро растворилась в глубине бамбуковой рощи, оставив Линь Юньсю стоять в одиночестве с мятежными мыслями.

Павильон Цюнься — это просто Павильон Цюнься. Что это за ответ? Отрицание или... предупреждение?

Она была уверена: Цзян Шуин что-то знает. О прошлом Павильона, о возможной связи с другими сектами. Но она хранит молчание.

Отец знает правду, Цзян Шуин тоже знает. И лишь она, та, кто идет по следу, остается в неведении, подобно слепцу, ощупывающему слона в густом тумане.

Солнце клонилось к закату, вытягивая тени деревьев. Линь Юньсю стояла с мечом в руке, не двигаясь. Слова Цзян Шуин о нитях судьбы и о том, что невозможно обрести путь без потерь, эхом отдавались в её голове.

Что за мир видит Цзян Шуин своими глазами, которые официально считаются слепыми, там, за таинственной белой повязкой? И какую роль в этой сложной шахматной партии играет она сама?

Ответов не было. Она знала лишь одно: путь впереди стал еще туманнее, а к таинственной и могущественной старшей сестре, помимо опаски и желания докопаться до истины, примешалось... невыразимое любопытство.

<http://bllate.org/book/19401/1899870>